

Массовая коммуникация и проблема насилия.

Последние сто лет истории человечества характеризуются не только бурным развитием техники, науки, образования и культуры, но и двумя мировыми войнами, огромным числом почти постоянных локальных вооруженных конфликтов, геноцидами, унесшими миллионы жизней, и показавшими огромную мощь и потенциал человеческой способности к разрушению. Все это сопровождается и заметным ростом уровня межличностной агрессии, что нашло отражение в повышении преступности практически во всех развитых странах.

Родители, учителя, сотрудники правоохранительных органов все чаще жалуются на агрессивное поведение детей и молодежи. Учителя обращают внимание на то, что в последние несколько лет проявления насилия и агрессии среди детей (в особенности младшего и среднего школьного возраста) значительно участились. Можно отметить, как минимум, два основных способа реагирования на данную проблему. В первом случае, проблема роста насилия игнорируется, во втором — рост насилия интерпретируется в рамках концепции развития общества и взаимовлияния психологической и исторической линий развития. В последнем случае рост агрессивности, в том числе и детской, объясняется сменой субкультуры.

Естественно, что научный интерес к проблеме агрессии и насилия возрастает во всем мире. Но, несмотря на то, что темы, связанные с агрессией и насилием интересуют исследователей самых разных специальностей уже достаточно длительное время, вопрос о происхождении и причинах агрессии является до сих пор открытым, а вместе с ним нерешенным остается и целый ряд проблем, связанных с тем, чем, собственно, наука может помочь разрешению межличностных, социальных и политических конфликтов, все чаще возникающих в современном мире.

Анализ все возрастающего числа научных публикаций показывает, что современное общество стремится быть свободным от насилия, но одновременно очаровано и пропитано насилием. Оно, с одной стороны, подавляет и стремится контролировать насилие, а с другой – само же и воспроизводит его. Войны, террористические акты, преступность, насилие в семье и этнические конфликты обеспечивают постоянное присутствие насилия в обществе, которое поддерживается и усиливается средствами массовой информации.

Изучение проявлений различных форм насилия касается в первую очередь двух проблем: использования насилия и легитимизации этого использования. Пока агрессивные и насильственные действия рассматриваются, изолированно от вопроса об их роли в функционировании социума, можно долго и без большого успеха дискутировать о насилии в семье, школе и армии или о не здоровом интересе средств массовой информации к насилию.

Исследователи, занимающиеся проблемой агрессии и насилия, отмечают важную роль средств массовой коммуникации, в первую очередь, телевидения в распространении этих форм поведения. Интерес, проявляемый к средствам массовой коммуникации в современном мире, связан с тем, что им отводится особая роль - они осуществляют функцию

социального общения в масштабах всего общества. Под термином «mass media» (средства массовой коммуникации) понимаются различные способы передачи информации массовой аудитории с помощью технических средств: радио, телевидение, спутниковое телевидение, печать, видео- и аудиозапись, кино и др. Содержание сообщений средств массовой коммуникации охватывает весь спектр воздействия - от информирования и обучения до убеждения и внушения. Благодаря этому средствам массовой коммуникации удастся интегрировать общество и формировать общественное сознание. С массовой коммуникацией тесно связан феномен массовой культуры.

Существует несколько мнений, пытающихся оправдать присутствие телевизионного и видео- насилия в нашей жизни. По одному из них насилие является частью нашей жизни и нашей культуры. Отсюда следует, что визуальная демонстрация насилия лишь информирует зрителя, подготавливает его к жизни в социуме, вводит детей в мир взрослых, а кроме того, демонстрация насилия может оказывать катарсическое воздействие на смотрящего.

Существует, однако, и противоположный тезис, согласно которому насилие, демонстрируемое средствами массовой информации, обладает огромной силой внушения: в результате визуальное насилие (фантастическое или реальное) способно разбудить агрессию в зрителях. Именно этот факт, который можно уже практически считать доказанным, побуждает психологов во всем мире изучать конкретные аспекты влияния демонстрации насилия на агрессивность.

Многочисленные телевизионные программы постоянно демонстрируют насилие в разных видах. Сцены насилия появляются на телеэкранах гораздо чаще, чем в жизни, и телевидение обеспечивает гораздо больше возможностей «испытать» это насилие на себе, нежели обыденная жизнь. Вследствие этого обычному человеку может показаться, что насилие стало гораздо ближе к нему, чем в предыдущие годы.

Обсуждение роли средств массовой коммуникации в распространении насилия в современном мире связано в первую очередь с двумя проблемами: а) легитимизацией насилия и б) влиянием демонстрируемого средствами массовой коммуникации насилия на изменение уровня агрессивности у потребителей, в первую очередь, детей и молодежи. Естественно, что обе проблемы взаимовлияют друг на друга.

Существует большое число определений насилия, и практически во всех этих определениях под насилием понимают применение силы, приводящее к ущербу наносимому основным человеческим потребностям или даже жизни вообще, понижающему уровень их удовлетворения ниже того, что потенциально возможно. Угроза насилия также является насилием.

Известный исследователь проблем мира и насилия Й.Галтунг в качестве основных потребностей рассматривал: а) потребность выживания (отрицанием данной потребности является смерть, смертность); б) потребность благополучия (отрицанием является - нищета, болезни); в) потребность в идентичности (отрицание этой потребности - отчуждение); г) потребность свободы (отрицание - репрессии) и выделил три форм насилия: прямое, структурное и культурное [6].

Наиболее явным и доступным для эмпирического наблюдения является прямое насилие со всеми видами жестокости, проявляемой людьми друг к другу, к другим формам жизни и природе в целом. По отношению к перечисленным выше потребностям прямое насилие проявляется в

следующих формах - а) убийство; б) телесные повреждения, блокада, санкции, нищета; в) десоциализация из собственной культуры и ресоциализация в другую культуру (например, запрещение родного языка и навязывание другого), отношение к людям как гражданам второго сорта; г) репрессии, задержание, изгнание. Именно эти формы чаще всего определяются как агрессивное поведение.

Структурное насилие - а) эксплуатация типа А, когда нижестоящие могут быть ущемлены настолько, что умирают от голода и болезней; б) эксплуатация типа Б, когда нижестоящие могут оказаться в состоянии постоянной нищеты, включающем недоедание и болезни; в) внедрение в сознание, ограничение информации; г) маргинализация, разобщение.

Под культурным насилием Й.Галтунг предлагает рассматривать те аспекты культуры, символической сферы нашего существования, представленной религией и идеологией, языком и искусством, эмпирической и формальной наукой (логикой и математикой), которые могут быть использованы для оправдания и легитимации прямого и структурного насилия.

Культурное насилие ведет к тому, что прямое и структурное насилие начинает выглядеть и восприниматься как справедливое, или, во всяком случае, не дурное дело.

Три вида насилия имеют базовое различие во временном отношении. Прямое насилие имеет характер события; структурное - процесса с подъемами и спадами; культурное насилие - остается неизменным долгие периоды. Можно обнаружить переходы от культурного через структурное к прямому насилию. Культура воспитывает, учит, заставляет рассматривать эксплуатацию, репрессии, индивидуальные и групповые агрессивные действия в качестве нормальных и естественных явлений или не замечать их вовсе.

Изучение культурного насилия позволяет понять то, каким образом акт прямого насилия (или агрессивного поведения) и факт структурного насилия легитимизируются и делаются, приемлемыми в обществе.

Большинство ценностей, функционирующих в современном обществе, способствуют тому, что агрессия и насилие активно проявляются и воспроизводятся в социуме. Это первую очередь, имеет отношение к ценностям касающимся статусных, имущественных, возрастных отношений, и создающим основу для сильных социальных напряжений, переживаемых большим количеством членов социума. В модернизирующихся странах прямое и структурное насилие проявляются, как попытка перераспределить или сохранить статус, ресурсы и богатство, отомстить за унижения. Кроме различных формы прямого насилия может возникнуть также ощущения безнадежности, одиночества и фрустрированности, которые могут проявляются как направленная вовнутрь агрессия или апатия и отстранение.

Многочисленные исследования показали, что рост агрессивного поведения и насильственных действий в обществе обусловлены с крупными и резкими социальными переменами (например, модернизация страны) и связанными с этими переменами нарушениями традиционной организации общества, которые заставляют людей обратить внимание на свои индивидуальные проблемы.

Способы разрешения ситуации фрустрации во многом обусловлены существующими в данном обществе и группах (в том числе и этнических) типовыми образцами и схемами поведения (например, этническими

стереотипами поведения). Образ представляет упрощенное стереотипизированное, зачастую искаженное, предубежденное представление об объекте, характерное для обыденного сознания.

Первые исследования влияния кино на поведение и ценностную ориентацию начали проводиться в США в конце 20-х годов и показали отрицательное воздействие. Проводимые в последующие годы многочисленные исследования в первую очередь анализировали два основных круга вопросов: 1) обучаются ли зрители (особенно, дети и подростки) новым формам агрессивного поведения, наблюдая за экранном насилием (эффект научения), и как долго длится это воздействие; 2) способствует ли насилие в средствах МК снижению эмоциональной чувствительности к насилию, и сказывается ли оно на вероятности актуального агрессивного поведения в реальной жизненной ситуации (эмоциональные последствия).

Одними из первых за разработку проблемы демонстрируемого теле- и видео насилия в рамках концепции социального научения принялись А. Бандура, Л. , Л.Эрон, Л.Хьюсмен, Р.Парке, М.Лэфковиц и др. [1-5,11,13].

Представители концепции социального научения показали, что если в условиях лабораторного эксперимента ребенка подвергать воздействию видеоинформации, связанной с насилием, он сразу же после этого начнет вести себя агрессивно. Проведенные Бандурой и Россом эксперименты показали, что дети склонны имитировать то поведение, которое получило на их глазах положительное подкрепление [4]. Точно так же дети перенимают когнитивные и социальные навыки, среди которых могут оказаться агрессивные паттерны поведения, у своих родителей и товарищей.

Согласно результатам многих исследований, дети научаются вести себя агрессивно с помощью имитации поведения актеров, участвующих в сценах насилия из различных фильмов и передач. При этом степень точности, до которой ребенок будет имитировать поведение актера, очень сильно зависит от результатов этого поведения. Если актер будет «вознагражден» за свои действия, то ребенок, скорее всего, будет имитировать его поведение [4]. Если же актер наказан, то ребенок вряд ли будет имитировать его действия. Это верно как для социального, так и для антисоциального поведения. Кроме того, многое зависит от опыта ребенка в таком поведении и от того, какой результат оно имело. Ряд исследователей пытались выявить возраст, в котором дети наиболее склонны к имитации действий других людей. Было подтверждено многими, что период между шестью и десятью годами является сенситивным для научения с помощью наблюдения.

Некоторую роль в этом виде научения играет также идентификация. Ребенок, очевидно, будет имитировать ту модель поведения, которая обладает более ценными для него характеристиками.

Для объяснения стабильности агрессивных тенденций во времени и возможности предсказать склонность к преступному поведению во взрослом возрасте исходя из наличия ранней агрессивности Хьюсмен разработал теорию скриптов [9, 10]. Согласно этой теории социальное поведение во многом контролируется теми программами поведения, которые были выучены и закреплены индивидом во время раннего периода его развития. Эти программы могут быть описаны как когнитивные скрипты (сценарии). Первичный процесс, с помощью которого формируется сценарий, — процесс научения, включающий компонент наблюдения. Однако сам этот процесс находится под влиянием многочисленных факторов среды: социальных, культурных, семейных. Блоки выученных сценариев

превращаются в более общие, руководящие принципы социального поведения. Таким образом, сценарии, которые руководят ребенком в его агрессивном поведении, формируют основу для создания более общих сценариев, управляющих антисоциальным поведением взрослого. Хьюсмен считает, что не все сценарии, формирующиеся у ребенка, будут актуализированы. Перед тем, как реализовать сценарий, ребенок оценивает его соответствие существующим в сознании социальным нормам и проверяет возможные последствия этой реализации. Степень точности такой оценки может быть различной. Некоторые дети просто не имеют когнитивной способности тщательного оценивания. Другие дети, у которых эта способность более сформирована, различаются историями подкреплений (опытом) различных форм поведения и восприятием социальных норм.

Из этого Хьюсмен выводит такое определение: агрессивный ребенок — это ребенок, привыкший вести себя агрессивно, регулярно восстанавливающий и реализующий сценарии агрессивного поведения. Хьюсмен выделяет два основных процесса, с помощью которых происходит закрепление сценария: это собственное поведение человека (разыгрываемое, включенное обучение) и наблюдение поведения других людей (научение с помощью наблюдения). Сохранение же сценария в памяти достигается благодаря двум другим процессам: процессу первоначальной шифровки наблюдаемого поведения и процессу подкреплений. Под «шифровкой» понимается формирование репрезентации внешнего стимула в системе памяти. Сценарий может быть связан со специфическими ключами в контексте кодирования, а может быть абстрактно не связан с ними. Сценарии с особенно выдающимися, яркими ключами ребенку будет легче кодировать.

Для того чтобы закрепить сценарий в памяти, ребенок должен время от времени подкреплять его. Подкрепление может иметь несколько различных форм — от мысленного воспроизведения сцены в фантазиях вплоть до попытки реализации ее в жизни. Конечно, подкрепление обеспечивает также возможность переоценки сценария. Некоторые сценарии, которые изначально воспринимались как подходящие для социальных интеракций, после отрицательного их подкрепления будут восприниматься как неподходящие.

Таким образом, для того, чтобы сценарий повлиял на будущее поведение, он должен быть не только закодирован и закреплен в памяти, но также актуализирован и положительно подкреплён при столкновении с социальной проблемой. Сценарий также скорее будет использован, если во время его актуализации в среде будут присутствовать те же специфические ключи, что присутствовали и при закодировании сценария. При этом ключи могут соответствовать модальностям, казалось бы, мало связанным с агрессивным поведением, как например: цвета, звуки, запахи, предметное окружение и т.д.

Преобразование раннего агрессивного поведения ребенка в привычку зависит от реакции среды, окружающей его, на такое поведение, а также от многочисленных случайных факторов. Для некоторых детей агрессивное поведение может иметь положительное подкрепление. Их семейная среда и среда их друзей развивает в них агрессивные модели поведения и поощряет антисоциальное поведение. Для них шифровка, закрепление и использование агрессивных сценариев особенно облегчается. Однако рано или поздно эти дети попадают в такую социальную среду (школа, команда, клуб), где агрессивное поведение может иметь весьма негативные

последствия. Здесь случается неожиданное: агрессивное поведение этих детей остается устойчивым даже в случае возникновения очевидно отрицательных для ребенка последствий. Автор теории объясняет это тем, что ребенку не удается «переучить» агрессивные сценарии. На это может быть несколько причин. Во-первых, ребенок может искаженно воспринимать последствия своих интеракций со средой из-за неправильного оценивания обратной связи. Во-вторых, просоциальное решение проблем требует больших интеллектуальных затрат, чем агрессивное. Это создает большие проблемы для детей с низким интеллектом. В-третьих, возникает проблема и для детей с высоким интеллектом; они смогут найти больше оправданий для своего агрессивного поведения. В-четвертых, ребенок может сам себе выбирать среду общения, в которой агрессивное поведение не порицается. В-пятых, существует проблема постоянства уровня агрессивности.

Применительно к проблеме влияния наблюдаемого теле- и видеонасилия на развитие агрессивности теория когнитивных сценариев (скриптов) расставляет акценты на следующих проблемах:

1. Ребенок, который постоянно наблюдает по ТВ людей, совершающих агрессивные действия, может сохранить агрессивный сценарий как подходящий для социальных интеракций и применять алгоритмы агрессивного поведения в некоторых ситуациях.
2. Основываясь на модели переработки информации, можно понять, почему сцены насилия, воспринятые ребенком как нереальные, не моделируются им с готовностью. Наблюдатель сохраняет для последующего воспроизведения лишь те сценарии, которые приносят ему субъективную пользу при решении социальных проблем. Действия же, воспринимаемые им как нереальные и не соответствующие этому требованию, не будут сохранены в памяти. Эта идея была неоднократно подтверждена экспериментально [6, 8, 9,10].

Другим важным феноменом воздействия, оказываемого кино и телевидением на поведение, является изменение и формирование установок. Чем больше человек видит теле- или видеонасилия, тем больше он принимает установку на агрессивное поведение. С точки зрения теории переработки информации, установки — это предписания, правила и объяснения, взятые из наблюдений за поведением других людей.

Если на ребенка или на взрослого телевидение оказывает самое большое влияние (среди других источников социальных интеракций), то образ социальной реальности этого человека будет практически полностью базироваться на этих наблюдениях. Таким образом, благодаря большому количеству сцен насилия, демонстрируемых телевидением, установки на агрессию «фанатов» кино и телевидения будут более позитивными, так как они воспринимают агрессивное поведение как норму. Позитивное восприятие агрессии коррелирует с увлечением сценами насилия и другими факторами, которые могут повлечь за собой принятие установок на агрессивность.

Исследование, которое было проведено в штате Джорджия в США, продемонстрировало связь между материалом телепрограммы и установками, а также поведением зрителей после ее просмотра. Исследовалось антисоциальное поведение среди старшеклассников за неделю до, в течение и после просмотра телевизионной программы, которая была насыщена сюжетами и репортажами, содержащими сцены насилия. Используя в качестве единицы измерения число нарушений этими детьми

правил поведения, а также просто наблюдая их поведение вне школы, исследователи обнаружили, что число нарушений значительно возросло в течение тех недель, пока по телевидению шла эта программа, особенно у чернокожих детей. В это время также изменились установки детей на послушание.

Другие исследования привели ученых к выводу, что слишком частое наблюдение сцен насилия взрослыми может привести к изменению их установок на агрессию. Исследования показали также, что когда испытуемый наблюдает насильственные действия, за которыми не следует наказания, возможность того, что он будет вести себя агрессивно, возрастает [8,10,11].

Еще один интересный подход к выявлению и измерению связи между наблюдением сцен насилия, установками и поведением зрителей заключается в изучении «смягчения» и «углубления» установок. В этих исследованиях экспериментаторы пытались редуцировать или увеличивать влияние телепрограмм на детей с помощью изменения установок детей.

Было показано, что влияние просоциально направленного телевидения сильно возросло, когда применялось сочетание просмотра таких программ с другими факторами, провоцирующими просоциальное научение. В другом исследовании отмечено, что замечания взрослых относительно сцен агрессии оказывали большое влияние на имитацию дошкольником этой сцены. Присутствие родителя и его отношение имело для этих детей большое значение [11].

Изменения в установках людей, часто наблюдающих сцены насилия, можно объяснить когнитивной десенситизацией (потерей чувствительности) к насилию. Так, было показано, что дети, которые регулярно смотрели сцены насилия по телевидению или видео, обнаруживали гораздо меньший уровень физиологического возбуждения в ответ на показ сцен насилия, чем обнаруживала контрольная группа детей [7]. Можно утверждать, что высокий уровень физиологического возбуждения повышает склонность человека к агрессивному поведению, а постоянное наблюдение сцен насилия увеличивает и закрепляет этот уровень.

С другой стороны, есть данные и о том, что повышение уровня физиологического возбуждения в результате просмотра сцен насилия может служить и негативным подкреплением. В этом случае десенситизированные «любители» сцен насилия будут вести себя более агрессивно. Этот факт доказывают и многие исследователи в области коммуникаций, отмечая, что телевидение делает детей гиперактивными, перегружая их стимуляцией. Другие утверждают, что эта перегрузка действует десенситизирующе. Третьи говорят о самоподкрепляющей способности агрессии. Если принять эту точку зрения, то существует оптимальный уровень физиологического возбуждения, который человек находит наиболее удовлетворительным для себя, и из этого следует, что агрессивное поведение может быть использовано в целях достижения его. Поскольку агрессивное поведение требует повышенного уровня физиологического возбуждения, то десенситизированный к агрессии человек ведет себя более агрессивно при достижении желаемого уровня физиологического возбуждения. Когда этот уровень достигнут, возникает типичный доминантный поведенческий ответ. Если такой доминантой является агрессия, то реализуется агрессивный стиль поведения.

Сохранность уровня агрессивности показана в ходе многих экспериментов. Результаты лонгитюдных исследований показали, что

уровень агрессивности ребенка после 8-9 лет перестает меняться и остается постоянным на протяжении почти всей его жизни (за исключением пика во время подросткового возраста у мальчиков).

Одно из наиболее интересных открытий относительно взрослой преступности состоит в том, что криминальное поведение можно предсказать статистически, исходя из наличия раннего антисоциального, агрессивного и гиперактивного поведения [8,9].

Более агрессивный ребенок, скорее, станет одновременно и более агрессивным взрослым, и взрослым, склонным к антисоциальному и криминальному поведению. По данным Эрона и Хьюсмана [6], ни один фактор, измеренный в детстве, неважно, средовой, психологический, когнитивный или семейный, не способен с такой вероятностью предсказать склонность человека к определенному виду поведения, как фактор ранней агрессивности. В исследовании, проведенном Эроном и Хьюсменом, было обнаружено, что приписывание испытуемым их одноклассниками агрессивности в возрасте 8 лет является предвестником целого спектра форм агрессивного и антисоциального поведения, проявляющихся через 22 года и включающих в себя официально зарегистрированные правонарушения [9]. Однако это не означает того, что можно поставить знак равенства между понятиями агрессивного и криминального поведения. Имеется в виду лишь то, что психологические процессы, лежащие в основе агрессивного поведения, также лежат в основе различных форм антисоциального и криминального поведения. Кроме того, агрессия — вид поведения, достаточно часто обнаруживаемый среди молодежи, который поэтому должен изучаться в качестве одной из составляющих процесса развития.

Проведенное в восьмидесятых годах исследование в шести странах позволило сделать вывод о действительном существовании связи между насыщенностью телевидения сюжетами, связанными с агрессией, и уровнем преступности. Так, Польша имела наименьший процент преступности. Тогда она стояла на предпоследнем месте по числу использования телевизоров; на последнем месте по числу показа по ТВ сюжетов агрессивного содержания и по проценту показа фильмов или сюжетов, связанных с насилием. США, которые в 1980 году являлись рекордсменом по преступности, имели наивысший процент содержания сцен насилия в телевизионных программах.

В этом исследовании были получены и другое интересные данные:

- На основании обнаруженных положительных корреляций между высоким уровнем агрессивности у взрослых и их увлечением кино- и теленасилием в детстве, а также между увлечением теленасилием у взрослых и их ранней агрессивностью и ранними пристрастиями к телевизионным сценам насилия, авторы делают вывод о возможности существования циклической зависимости между этими показателями. Было определено, что в США, Польше, Финляндии и Израиле ранние телевизионные пристрастия значительно предопределяются агрессивностью ребенка. Во всех странах, кроме Австралии был отмечен явный лонгитюдный эффект влияния раннего пристрастия к телевизионному насилию на более поздний уровень агрессивности.
- Изучение влияния паттернов мужской и женской агрессивности на положительную идентификацию с актером показало, что актер-мужчина оказывает большее влияние на оба пола, возможно, потому, что его агрессивное поведение носит героический характер;

- Решив проверить тезис теории социального научения о том, что воспроизведение сценария поведения зависит от того, будет ли он «отрепетирован», повторен ребенком когнитивно (одной из форм подобной «репетиции» является фантазия), авторы исследования просчитали корреляции между средними показателями агрессивности и увлечения теленасилием с фантазийным поведением. Результаты показали, что более агрессивное поведение и большие пристрастия к телевизионному насилию коррелируют с более частыми фантазиями на насильственные и героические темы во всех странах, где проводилось исследование;
- Была обнаружена связь социального статуса родителей ребенка с агрессивностью ребенка и увлечением его теленасилием. Среди американских и австралийских детей более низкий социальный статус семьи соответствовал большей агрессивности и большему увлечению теленасилием, особенно в отношении мальчиков. В Израиле тот же феномен обнаружили у городских мальчиков, а у детей из израильских кибуцев большая агрессивность и увлечение теленасилием сочетались с высоким социальным статусом семьи. В Польше была обнаружена обратная зависимость агрессивности детей и увлечения теленасилием с социальным статусом семьи. В Финляндии более высокий социальный статус семьи коррелировал с повышенной агрессивностью у мальчиков и с пониженной агрессивностью у девочек. Эти различия авторы объясняют тем, что традиционные измерения социального статуса, применяющиеся к обществам с системой свободного предпринимательства, не работали на таких странах, как Польша, Финляндия и Израиль в связи с большой гомогенностью общества в них;
- Авторы исследования обнаружили, что в среднем более агрессивные дети, и дети, имеющие пристрастие к теленасилию, имели родителей с высоким уровнем агрессивности. Эти родители часто были недовольны своими детьми и применяли к ним более суровые наказания (особенно это, касалось мальчиков). Возможно, агрессивность детей и отрицание их родителями находятся в циклической зависимости друг от друга: отрицание родителей стимулирует агрессивность ребенка, который после этого становится жертвой еще более частых агрессивных атак и наказаний со стороны родителей. Отрицание ребенка родителями может привести к отгораживанию его от внешнего мира, замыканию в себе и увлечению телевидением, в том числе, передачами, содержащими насилие.
- Исследуя связь популярности детей среди одноклассников, авторы обнаружили, что во всех пяти странах, кроме израильских городов, существовала обратная зависимость между агрессивностью детей, увлечением их теленасилием и их популярностью среди одноклассников. Они объясняют этот факт, с одной стороны, тем, что дети, обладающие большим числом просоциальных навыков, более популярны и любимы в обществе одноклассников. С другой стороны, агрессивное поведение ребенка часто делает его менее популярным; если при этом ребенок избегает социальных контактов, то возрастает вероятность и частота его обращения к телевидению; кроме того, непопулярность ребенка может обострить и усилить связь между его увлечением теленасилием и повышением уровня агрессивности.

Подводя итоги этого исследования в 1990 году, авторы [11] делают следующие выводы:

- более агрессивные дети чаще смотрят передачи, содержащие сцены насилия (вне зависимости от социального класса, пола, возраста, 10 или культурных факторов);
- ребенок научается агрессивным сценариям, наблюдая сцены насилия по телевидению или видео, а его агрессивное, поведение провоцирует средовые и когнитивные реакции, которые приводят к большей вероятности увлечения его сценами насилия, демонстрируемыми средствами массовой коммуникации;
- фантазии на темы насилия могут увеличивать вероятность того, что ребенок закрепит и сохранит сценарий агрессивного поведения;
- фантазии на темы насилия характерны, в основном, для детей с высоким уровнем агрессивности, которые увлекаются теленасилием;
- уровень агрессивности имеет тенденцию передаваться от одного поколения к другому: дети более агрессивных родителей имеют большую склонность усваивать сценарии агрессивного поведения.

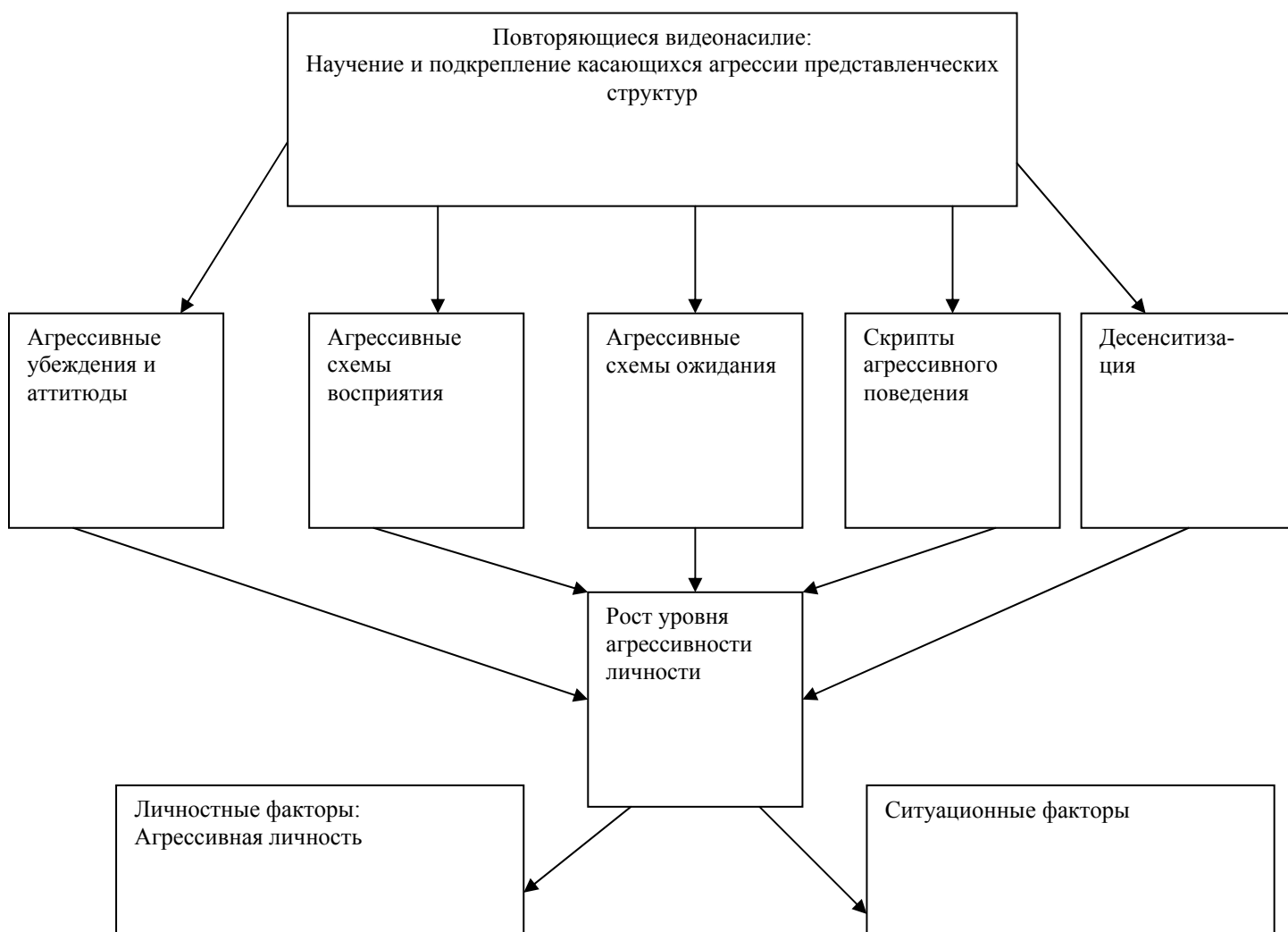
Из всего сказанного выше видно, что тема влияния насилия, демонстрируемого средствами массовой информации, является неоднозначной, поэтому нет ничего удивительного в том, что она самого начала своего существования порождает массу дискуссий, Вновь и вновь отстаивая свои выводы, Хьюсмен и Мойз [12] пишут, что факт влияния просмотра теленасилия на агрессивность уже может считаться доказанным и что это влияние осуществляется, по крайней мере, пятью путями:

1. с помощью имитирующего научения (при наблюдении). Дети склонны имитировать поведение их родителей, других детей, героев фильмов и передач, в особенности тогда когда их действия имеют положительное подкрепление. В этом случае ребенок принимает данную модель и идентифицирует себя с ней;
2. медианасилие воздействует на детей десенситизирующе, делая их нечувствительными к насилию. Чем больше ребенок смотрит медианасилия, тем более положительную установку на агрессивное поведение он принимает. Более того, дети которые увлечены медианасилием, склонны подозревать других в использовании агрессивных действий, что является эмоциональным искажением, также увеличивающим вероятность использования ими агрессивного поведения;
3. оправдание насилия является еще одним из факторов влияния медианасилия, стимулирующих агрессивное поведение. Ребенок с высоким уровнем агрессивности прибегает к медианасилию для того, чтобы разрядить чувство вины и получить оправдание своей собственной агрессивности. Таким образом, впоследствии он становится еще более склонным к применению агрессивного поведения для разрешения возникающих социальных проблем;
4. медианасилие содержит в себе ключевые стимулы, пробуждающие агрессивные мысли, фантазии, чувства и действия. Это объясняет известный эффект, обнаруженный в ходе экспериментов — когда дети наблюдали один вид агрессивного поведения, а затем демонстрировали агрессивные действия другого рода. По мнению Хьюсмана, даже совершенно посторонние объекты, связываемые ребенком с агрессией, могут в последствии служить стимулом для запуска насильственного поведения;

5. и, наконец, было обнаружено, что дети, увлеченные медианасилием, обнаруживали более низкий уровень физиологического возбуждения в ответ на показ сцен насилия, чем контрольная группа детей. В связи с этим, они стремятся к постоянному поддержанию этого уровня, вновь обращаясь к теленасилию.

На замечание о том, что насилие представлено в средствах массовой информации в его положительных, узаконенных формах, и, следовательно, не оставляет негативного отпечатка на нравственной сфере зрителей, Хьюсмен и Мойз отвечают, что, напротив, дети склонны имитировать поведение агрессивных персонажей, действия которых представляются в фильме или передаче как социально приемлемые. Фридман также утверждает, что медианасилие не может оказывать значимого эффекта в связи с тем, что дети понимают нереальность происходящего на экране. Хьюсмен и Мойз отвечают на это, что дети младше 11 лет не способны к проведению четкого разделения между фантазией и реальностью [12].

Современные модели агрессивного поведения включают в качестве существенных элементов: 1) агрессивные убеждения и установки (в некоторых концепциях - враждебность); 2) агрессивные схемы восприятия; 3) агрессивные экспектации (ожидания); 4) агрессивные поведенческие сценарии и 5) десенситизацию, т.е. снижение чувствительности к агрессии [1].



В нашей стране воздействие экранного насилия на поведение практически не изучается. Визуальная информация, которая уже больше десятилетия на Западе фильтруется специально созданными для этого комитетами у нас не подвергается практически никакой критике со стороны. Подобное явление, с нашей точки зрения, не может пройти бесследно, но любые законодательные решения должны предваряться серьезными отечественными исследованиями этой важной проблемы.

Литература

1. Anderson C., Bushman B. Effects of violent video games on aggressive behavior, aggressive cognition, aggressive affect, physiological arousal, and prosocial behavior: A meta-analytic review of the scientific literature. // *Psychological Science*, 2001,12,5,353-359.
2. Bandura A. *Aggression, a social learning Analysis*. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall, 1973.
3. Bandura A. Influence of model's reinforcement contingencies on the acquisitions of imitative responses // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1965, 1.
4. Bandura A., Ross B.. Imitation of film-mediated aggressive models // *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1963, vol.63.
5. Dodge K. The science of youth violent prevention. // *America Journal of Preventive Medicine*", 2001,20,63-70
6. Gultung J. *Selected Works*. New York – London,1991-1995.
7. Eron L. Parent-child interaction, TV violence and aggression in children//*American Psychologist*, 1982, 37,197-211.
8. Eron L., Huesmann R., Walder L., Lefkowitz M.. Does TV violence cause aggression? // *American Psychologist*, 1972,27,253-263.
9. Eron L., Huesmann R. The cross-national approach to research on aggression: mesures and procedures // *Developmental Psychology*, 1984, vol.20.
10. Eron L., Huesmann R. The development of aggression in children of different cultures: Psychological processes and exposure to violence // *Television and the aggressive child: A cross-national comparison*, Hillsdale, N.J.: Lawrence Elbraum Associates, 1986.
11. Huesmann L.R. Cross-national communalities in the learning of agression from media violence // *Aggressive Behavior*, 1984, 10, 243-251.
12. Huesmann L.R., Eron L.D. Childhood aggression and adult criminality // *Facts, frameworks and forecasts // Advances in criminological theory*, 1992, vol.3.
13. Huesmann L.R., Moise J. Media violence; A demonstrated public threat to children// *Harvard Mental Health Letter*, 1996, vol. 12.
14. Parke R.D., Berkowitz L., LeyensJ.P., West S.G., Sebastian R.J. Some effects of violent and nonviolent movies on the behavior of juvenile delinquents // *Advances in experimental and social psychology*, 1977, 10, 135-172.